

ВТОРОЙ ЛИСТЪ ГАЗЕТЫ ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

№ 4971.

Воскресенье, 28-го мая 1900 г.

№ 4971.

ДРУГЪ ДѢТСТВА.

П. Бурже
(Окончаніе *).

Видъ этихъ труповъ вызвалъ во мнѣ ощущеніе кошмара: они показались мнѣ чудовищными, громадными и, глядя на трупы мертвыхъ, желтоволосыхъ гигантовъ, облеченныхъ въ бѣлые мундиры, кирасы и каски съ конскими хвостами, я ощутилъ страхъ, которому былъ совершенно чуждъ накануне, убивая ихъ.

Чтобы стряхнуть съ себя это чувство, я всталъ и началъ разсматривать убитыхъ. Среди нихъ было четыре офицера, я ихъ узналъ по эполетамъ. Подойдя къ одному изъ нихъ, лежавшему ничкомъ, я увидѣлъ на его вытянутой рукѣ широкій золотой браслетъ въ видѣ цѣпи. Видъ этой драгоценности пробудилъ въ моей душѣ чувство жалости; мнѣ пришло въ голову, что въ карманахъ убитаго я, быть можетъ, найду какое-нибудь указаніе относительно лица, которому я могъ-бы переслать браслетъ. Съ этою мыслью я нагнулся и перевернулъ трупъ... передо мною лежалъ Отто фонъ-Винклеръ, мой товарищъ по версальскому лицее, другъ дѣтства, съ которымъ я провелъ пасхальные каникулы въ 1858 году...

—Какая ужасная минута, — воскликнулъ я обращаясь къ Першэ, — теперь я понимаю, какъ вамъ тяжело воспоминанія, связанные съ надписью на на этомъ утѣсѣ!

Капитанъ покачалъ своею сѣдою головою. „Вы ошибаетесь, — возразилъ онъ, — меня приводило столько лѣтъ въ ужасъ вовсе не это воспоминаніе... Каждый солдатъ во время войны дѣлается отчасти философомъ-фаталистомъ. Его ничто не удивляетъ, а смерть, повергающая другихъ людей въ глубокое горестное недоумѣніе, отноше не кажется ему сверхъестественнымъ явленіемъ.“

Какъ ни неожиданно былъ случай, заставившій меня проспать цѣлую ночь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ тѣла моего друга дѣтства, — я не нашелъ въ этомъ ничего необыкновеннаго, и хотя сердце во мнѣ и сжалось, но искренняго, глубокаго горя я не ощутилъ. „Сегодня — тебѣ, завтра — мнѣ“... пришло мнѣ въ голову изреченіе древнихъ римлянъ, и сознаніе, что быть можетъ, завтра, или сегодня, или даже черезъ часъ мнѣ грозитъ та же участь, какъ-то

* См. „Од. Нов.“ № 4965.

Его Величество персидскій шахъ
Музаферъ-Эддинъ
(Къ прибытію его въ Россію).

странно успокоило меня. Я продолжалъ смотрѣть на трупъ, лежавшій въ безмятежно спокойной позѣ, и вдругъ мнѣ пришла въ голову чудовищная, ужасная мысль: не я-ли вчера вечеромъ, въ сумеркахъ, рубя саблею направо и налево, нанесъ моему бѣдному другу этотъ страшный ударъ, разрубившій его кирасу? Не я-ли пролилъ кровь, широкую волною хлынувшую изъ раны и залившую его бѣлый мундиръ? Задавая себѣ эти вопросы, я смотрѣлъ на трупъ Отто, и передъ моими духовными очами вставали картины изъ нашего общаго съ нимъ, далекаго милаго прошлаго... Удивительнѣе всего, что поразительный контрастъ между этими воспоминаніями и настоящимъ, не причинялъ мнѣ страданія.

Мои люди проснулись и зашевели-

лись движеніемъ отвернулись отъ трупа, не приведя въ исполненіе своего первоначальнаго благочестиваго намѣренія и не снявъ съ его руки браслета, продолжавшаго блестять при лучахъ восходящаго солнца.

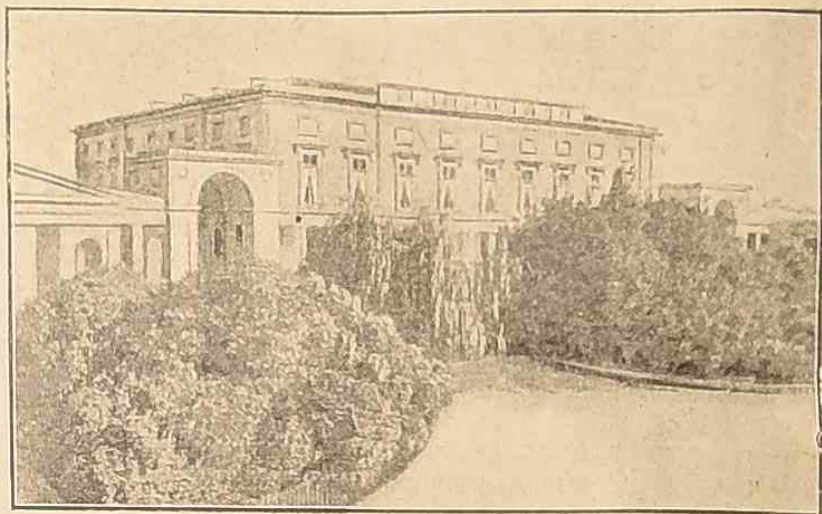
Будь это трупъ совершенно мнѣ посторонняго человека, я-бы могъ дотронуться до его неподвижныхъ, застывшихъ членовъ, снять кирасу, разстегнуть мундиръ и отыскать возможность отдать послѣдній долгъ мертвому врагу, собрату по оружію; но я не могъ, не нашелъ въ себѣ силы подойти къ мертвому другу моего дѣтства, котораго, быть можетъ, убилъ я самъ... Да и некогда было: мой отрядъ получилъ приказаніе немедленно двинуться по направленію къ Коломбею.

Съ полемъ поднялся густой туманъ,

лишь вокругъ меня. Не могу хорошенько отдать себѣ отчета: сознаніе-ли долга пробудилось во мнѣ, или, быть можетъ, мысль о томъ, что я могъ-быт причиною смерти Отто, была для меня невыносима, — не знаю... только я рѣ-

затруднившій наше движеніе, и хотя было всего только пять часовъ утра, — неприятель уже открылъ пушечный огонь. Къ счастью, намъ нужно было пройти всего три километра. Обѣ арміи оспаривали въ это время другъ у друга дорогу къ Сорребрюкъ, французская артиллерія обстрѣливала ее со стороны Борда и Вальера, а нѣмецкая — со стороны Монтуа.

Когда мы дошли до Коломбейскаго лѣса, туманъ разсѣялся. Было поло-

Королевскій дворецъ на о. Корфу.

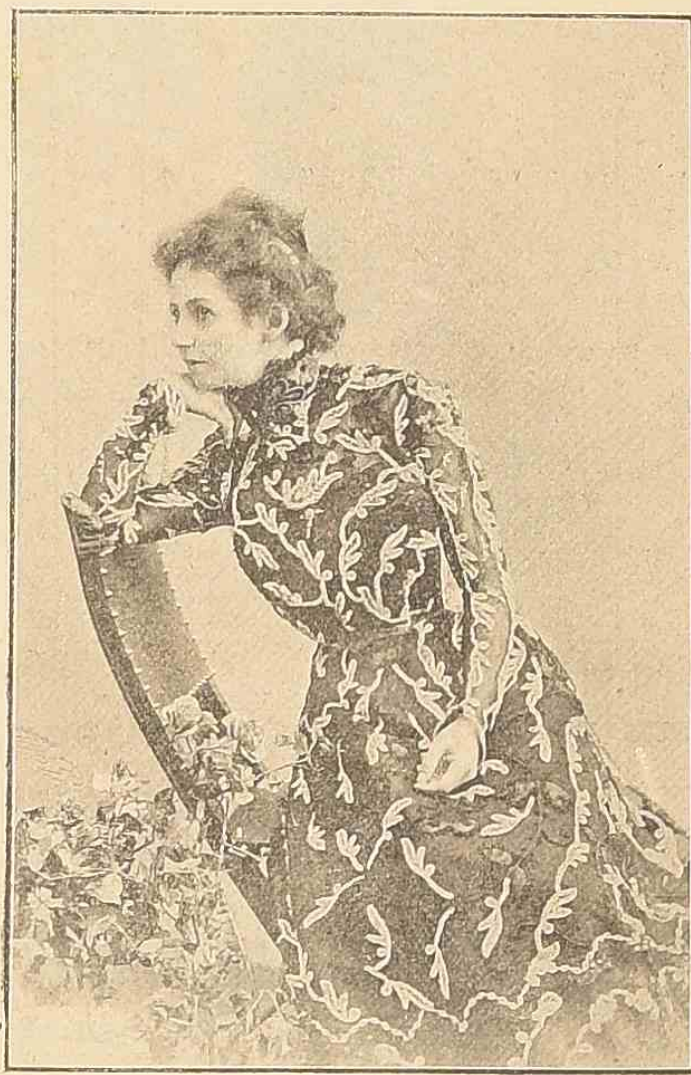

Новый французскій военный министръ
ген. Андрэ.

вина восьмого утра... Я ясно помню эту подробность, потому что какъ разъ смотрѣлъ на свои часы, когда услышалъ слѣдующій разговоръ между двумя моими драгунами. Они говорили о схваткѣ, происшедшей накануне.

К. А. Варламовъ.

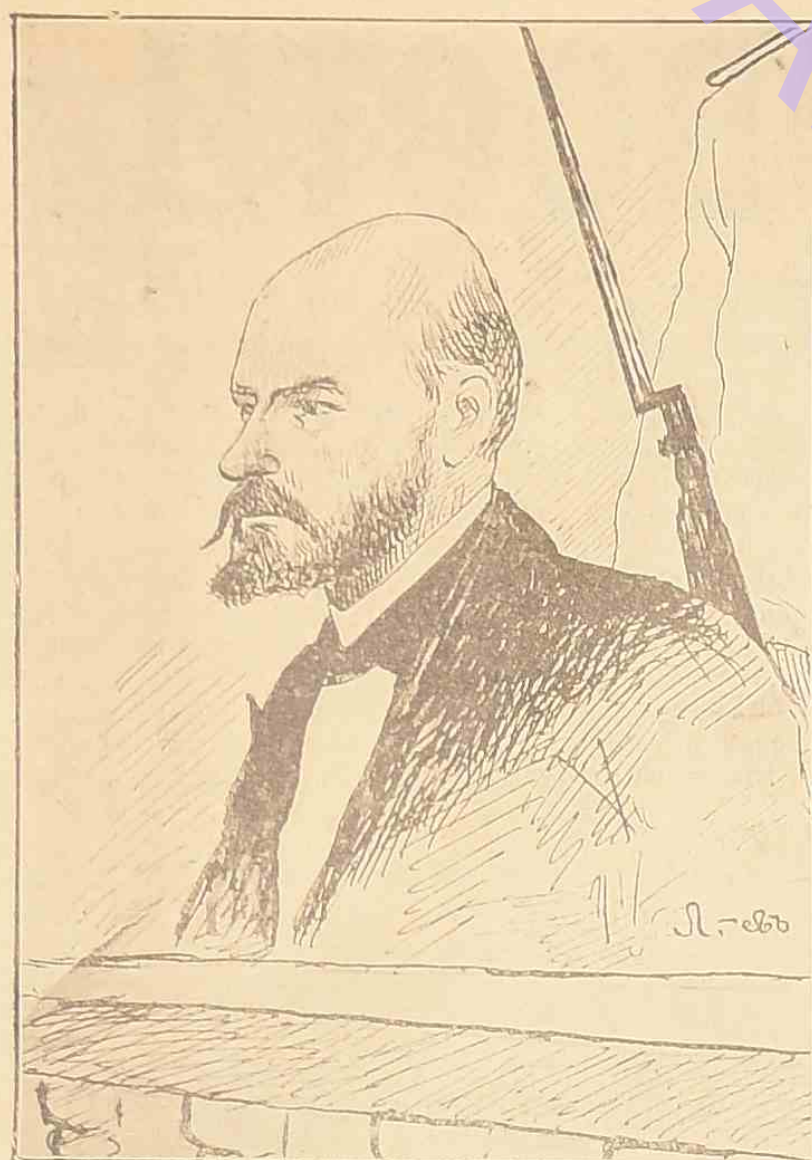

В. Ф. Комиссаржевская.

К. В. Бравичъ.

Къ предстоящимъ гастрольямъ въ Русскомъ театрѣ.

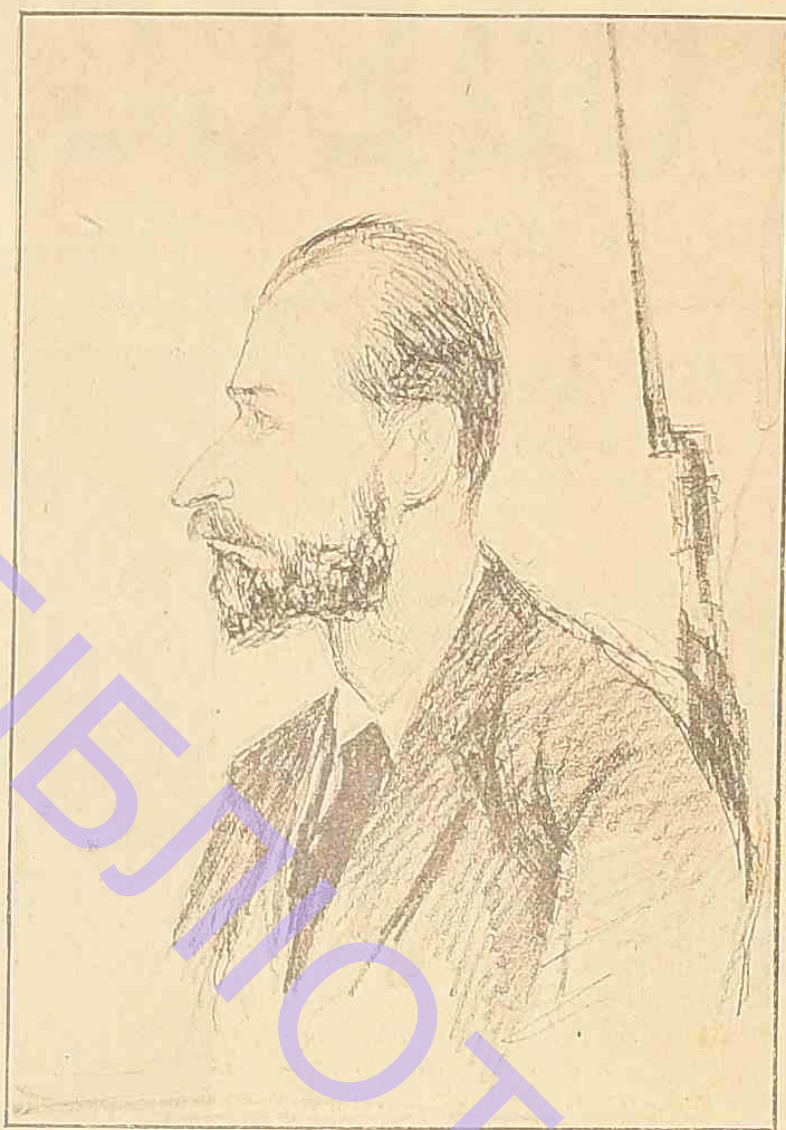
Степанъ Снитскій.

По снимку, сдѣланному теперь въ залѣ суда.

бормочущую повѣдку? Я тогда не задавалъ себя этого вопроса, а теперь вѣдь бы могъ отвѣтить на него. Мнѣ представлялась возможность удостоверить въ томъ, что не я, а другой убилъ Отто фонъ-Винкеля, и я страстно ухватился за эту возможность. А вѣдь за какихъ-нибудь 2—3 часа передъ тѣмъ я почти равнодушно, почти спокойно глядѣлъ на моего убитого друга... Собственно говоря, эта непреодолимая потребность убедиться въ томъ, кто именно былъ виновникомъ смерти Отто, была не только безразудна, но прямо-таки преступна. Вѣдь идти во время войны на безпосредную опасность почти такъ же преступно, какъ отступитъ передъ опасностью, являющеюся рѣшающее значеніе. Я былъ преступно влюбленъ, вовлекая другого въ свое дикое предпріятіе.

Сначала все шло превосходно; мы благополучно проскакали по дорогѣ въ Сарребрюкъ, съ обѣихъ сторонъ обстрѣливаемой артиллеріею, — при чемъ ни мы, ни наши лошади не получили ни царапины. Во время пути мы не произнесли ни слова. Наконецъ, мы добрались до цѣли своей поѣздки и сошли съ лошадей недалеко отъ мѣста, гдѣ попрежнему лежала безобразная гора бѣлыхъ мушкетовъ.

Приближаясь къ трупу Отто, я чувствовалъ, что сердце во мнѣ бьется со страшною силой... Но вотъ мой

Петръ Снитскій.

По снимку, сдѣланному теперь въ залѣ суда.

— А я уже думалъ, — говорилъ онъ, — что твой конецъ пришелъ, когда на тебя наскочилъ этотъ громадный прусскій капитанъ... Какъ это ты отъ него отбѣжалъ?

— Да меня лошадь спасла. Она бросилась въ сторону, и пруссака въ моего мѣста закололъ ее; ну, а я тогда хватилъ его саблей, — изъ него и духъ вошелъ...

Я уже сказалъ вамъ, что мысль о томъ, что Отто могъ погибнуть отъ моей руки, волновала меня помимо моей воли. И вотъ, повинуясь странному, непреодолимому желанію во что бы то ни стало проверить мои сомнѣнія, я обратился къ драгуну, разсказывавшему о своей схваткѣ съ прусскимъ офицеромъ, и спросилъ его:

— Такъ это ты убилъ одного изъ офицеровъ?..

— Такъ точно, ваше благородіе! А котораго именно допрашивалъ я. Солдаты широко улыбнулись.

— Да я, ваше благородіе, признаюсь, позидаль спросилъ у него, какъ его звали. Большой такой, бѣлобрысый, а щеки розовыя, что у барышни... Ты ничего больше не замѣтилъ?..

— Ничего, ваше благородіе.

— Да вѣдь было совсѣмъ темно, когда мы на нихъ напали... А какъ ты думаешь, узналъ ли бы ты его?..

— Еще бы! Конечно, узналъ-бы! Вѣдь я, ваше благородіе, когда убивалъ-то его, такъ онъ подо мною былъ...

— А что, если-бы я попросилъ тебя съѣздить туда со мною вмѣстѣ и показать мнѣ его? — вдругъ спросилъ я.

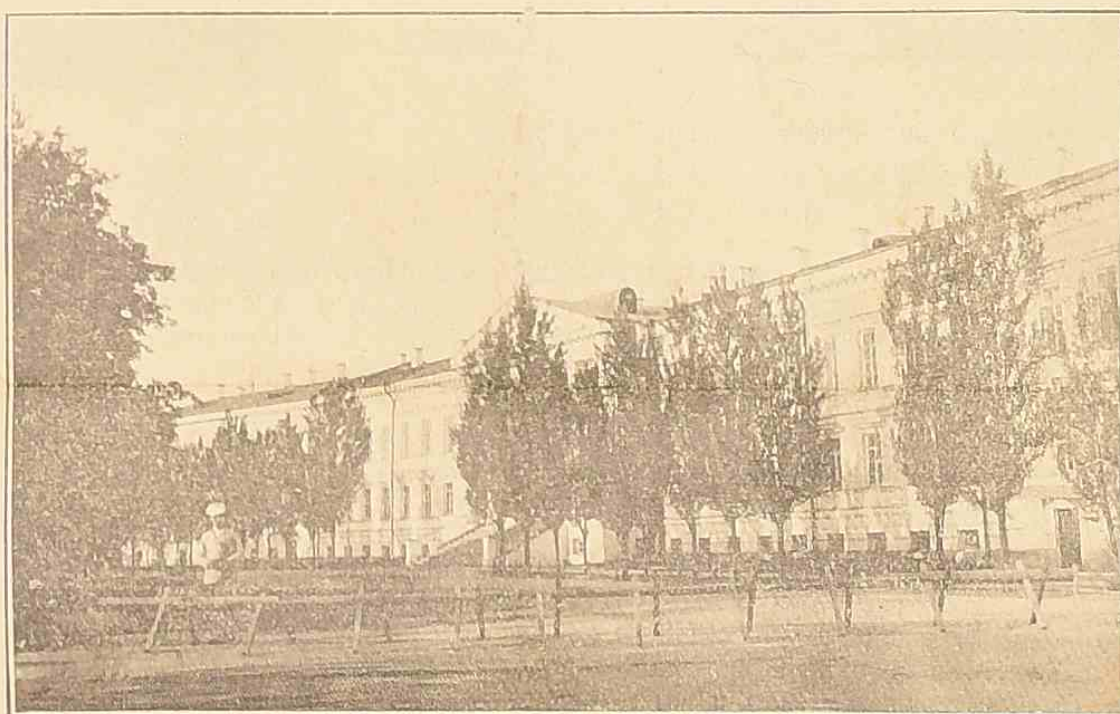
— Туда?... Гдѣ мы сегодня почивали? — медленно переспросилъ драгунъ, видимо колеблясь.

— Да, — отвѣчалъ я. — Ты боишься? Наверное, не ты убилъ прусскаго капитана...

— Какъ не я? — воскликнулъ онъ. — Бѣдѣте, ваше благородіе, вы увидите, что я ровно ничего не боюсь...

Мы съѣли на коней и поѣхали крупною рысью.

Какому непонятному инстинкту я повиновался, бросая въ лицо моему солдату сомнѣніе въ его храбрости и тѣмъ принуждая его совершить эту

Зданіе присутственныхъ мѣстъ въ Полтавѣ, гдѣ разбирается дѣло Снитскихъ.

У Соня.

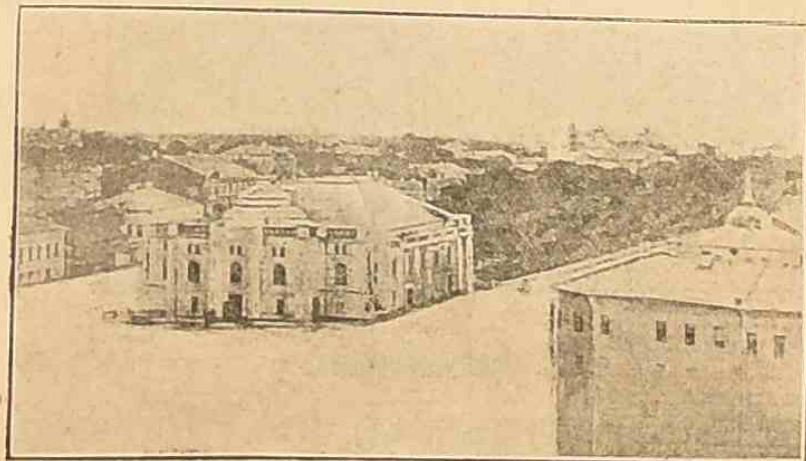

П. Н. Орленевъ (въ роли Раскольниковъ).

У Порфирія Ивановича.

Къ предстоящимъ гастрольямъ въ Городскомъ театрѣ.

Театръ въ Ярславѣ. (Къ Волковскимъ торжествамъ).

спутникъ нагулся и, взглянувъ въ спокойныя черты покойника, произнесъ: «Да, вотъ онъ самый и есть! Ишь, какъ я хвятилъ его!»

Услышавъ эти слова, я сразу почувствовалъ громадное облегченіе, словно съ сердца у меня свалилась страшная тяжесть.

— Не можешь-ли ты мнѣ снять съ него кирасу? — спросилъ я.

— Охотно, — возразилъ онъ, — только, ваше благородіе, не надо бы испугать Господа Бога. — И онъ движениемъ руки указалъ мнѣ на бомбу, продававшую въ этотъ моментъ надъ нашими головами. На его слуховомъ лицѣ не видно было ни страха, ни сознанія опасности, которой мы оба подвергались. Тѣмъ не менѣе мнѣ вдругъ захотѣлось оправдаться предъ нимъ, объяснить ему, почему я привелъ его на этотъ опасный пунктъ, и потому я сказалъ, указывая глазами на трупъ Отто:

— Я его знавалъ мальчикомъ, во Франціи, и мнѣ хотѣлось посмотрѣть, итъ-ли на немъ вещей, которыя я могъ бы переслать его родителямъ...

— Понимаю... — отвѣтилъ драгунъ, — и я убѣжденъ, что онъ дѣйствительно помялъ меня, — если не разсудкомъ, то сердцемъ. — И чортъ его дернулъ броситься на меня, — продолжалъ онъ, разстегивая кирасу, облекающую уже застывшіе члены пруссака, — да ужъ нечего дѣлать: на войнѣ разбирать не приходится. Такъ что-ли, ваше благородіе? А вотъ и бумажникъ, — и онъ протянулъ мнѣ его, — вотъ часы... Ай, да на немъ браслетъ!

Снять его тоже?

Я кивнулъ головою, и онъ сейчасъ же передалъ мнѣ названныя вещи. Только-что мы успѣли окончить наше истинно-христіанское дѣло, которое постороннему наблюдателю показало бы отвратительнымъ кощунствомъ, какъ я почувствовалъ, что меня кто-то сильно хватилъ кулакомъ по рукамъ.

Звукъ взрыва и стодобъ пыли, поднявшаея вокругъ насъ, свидѣтельствовали о томъ, что гдѣ-то очень близко разорвало снарядъ.

Въ двухъ шагахъ отъ себя я увидѣлъ моего драгуна, невѣримаго, но

Н. Д. Кузнецовъ.

оставившаго на меня расширенныя ужасомъ глаза.

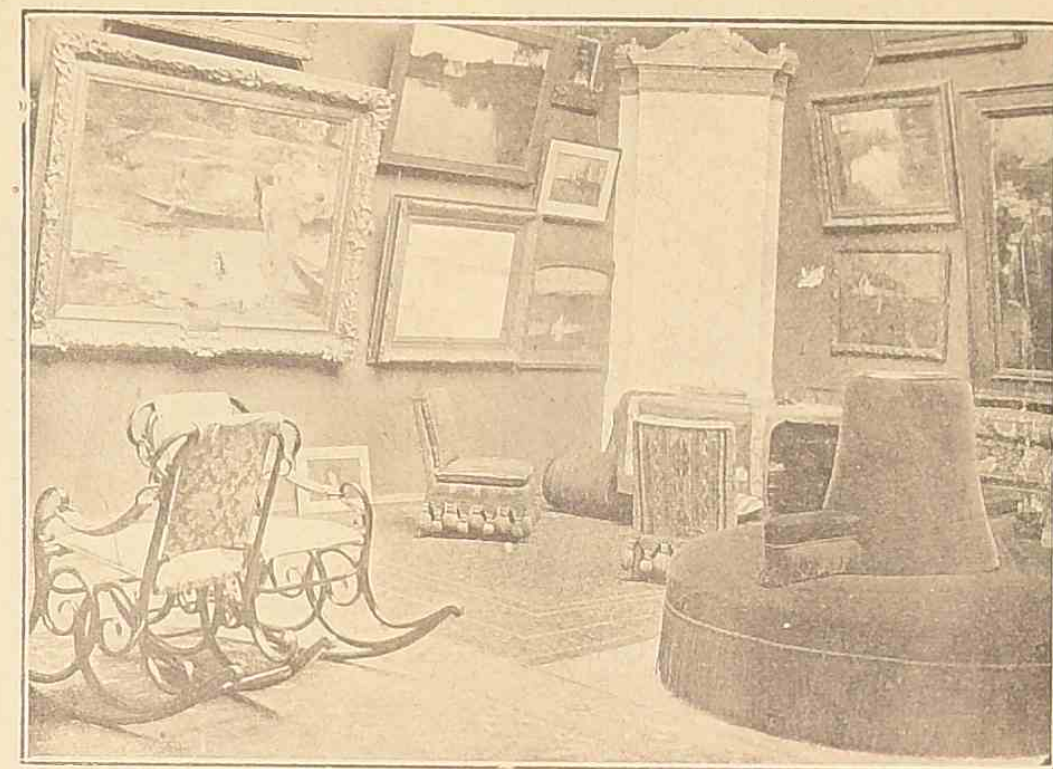
Я лежалъ на землѣ, въ крови, съ изуродованною правою рукою. Кровь лилась ручьемъ, и я ощущалъ нестерпимую рѣжущую боль; мнѣ казалось, что я умираю и, обращаясь къ драгуну, я съ трудомъ могъ проговорить:

— Пенез, другъ мой, если ты благополучно выберешься отсюда, то пусть твоя храбрость не останется безъ награды. Возьми мой бумажникъ, и даю тебѣ все деньги, которыя ты тамъ найдешь, оставь меня, а самъ скорѣй, не медля бѣги съ этого мѣста...

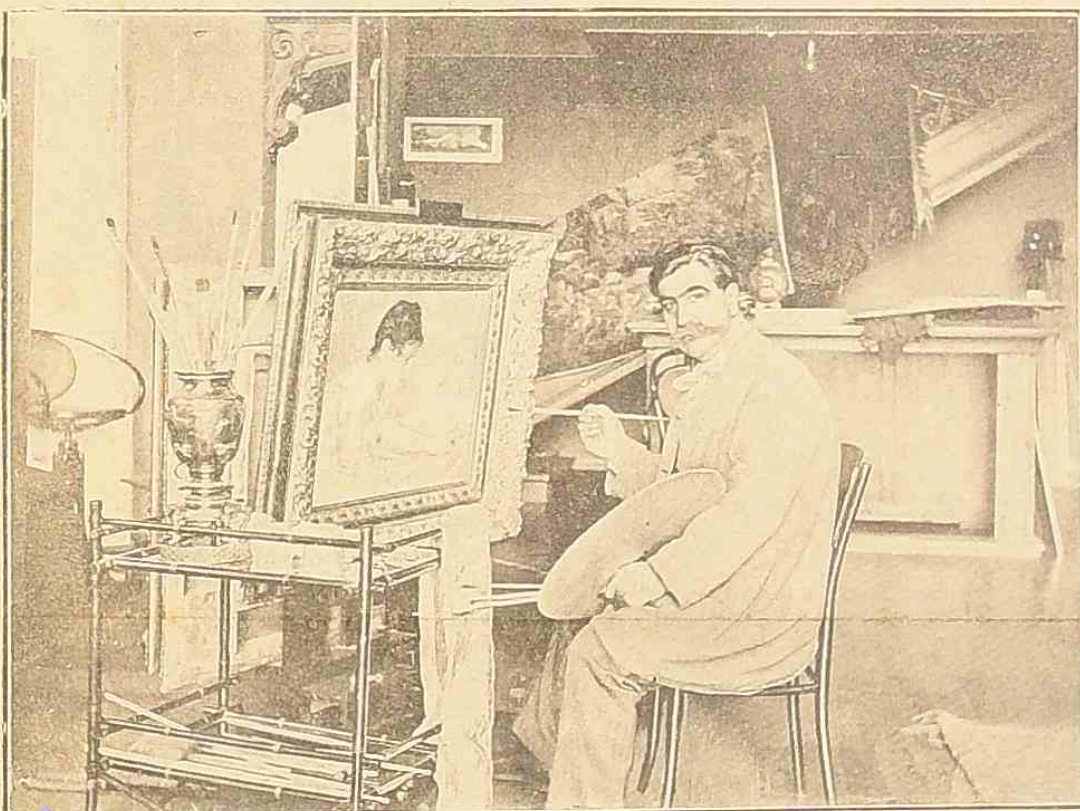
— Возьмъ васъ, ваше благородіе? Да никогда въ жизни?.. Довольно того, что я убилъ вашего товарища... А погами-то вы можете шевелить? — спросилъ онъ, наклонясь ко мнѣ, и услышавъ утвердительный отвѣтъ, схватилъ меня поперекъ тѣла, посадилъ на лошадей, велѣлъ крѣпко держаться здоровою рукою за гриву и, намотавъ поводья на свою руку, вскокинулъ на своего коня. Намъ опять пришлось скакать по Сарребрюкской дорогѣ, подъ градомъ выстрѣловъ... Приѣхавъ въ лагерь, я безъ памяти свалился съ лошади... Въ тотъ же вечеръ меня

произвели въ слѣдующій чинъ и... отняли мнѣ правую руку. Карьера моя была окончена.

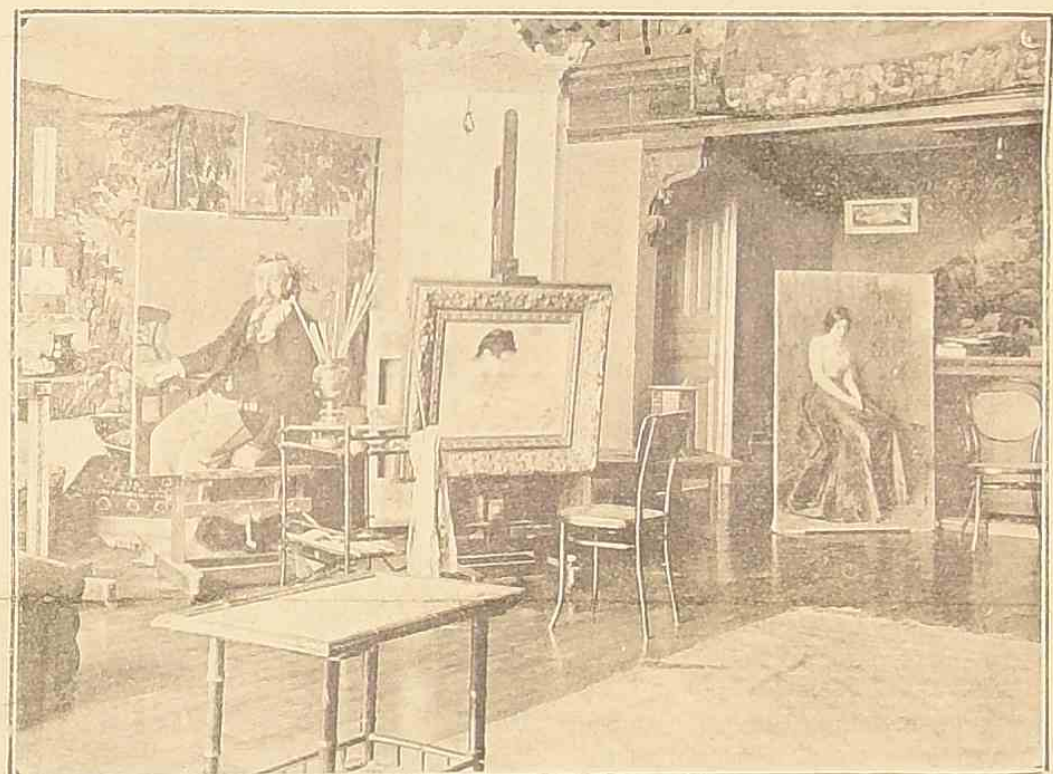
— По вы, вестники, нашли адресъ, по которому слѣдовало отпривить браслетъ? — спросилъ я полковника.

Картинная галерея Н. Д. Кузнецова.

Н. Д. Кузнецовъ за работою.

Ателье Н. Д. Кузнецова.

25-тилѣтній юбилей художника Н. Д. Кузнецова.

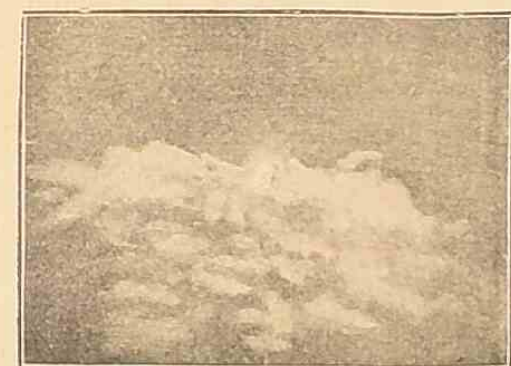

Морской праздникъ на Ланжеронѣ. — Дѣтское утро.

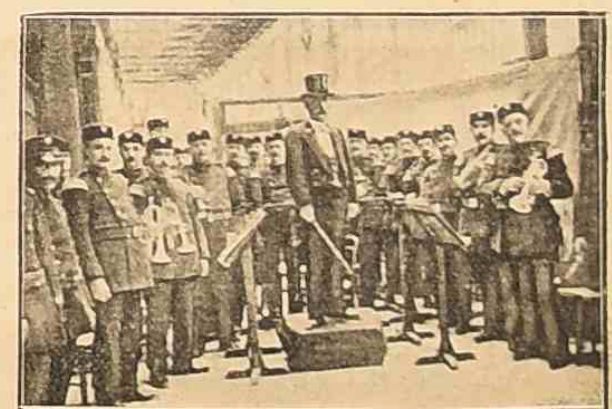
(Съ фотом. Лисленки).

— Да, — отвѣтилъ Першо, — я отослалъ въ Германію браслетъ вмѣстѣ съ письмами и карточкой, которая и нашлась на груди у Отто. Отъ себя я не написалъ ни строчки.

«Я, знаете-ли, долго не могъ простить этому несчастному, что онъ былъ коварною причиною неудачи, постиг-

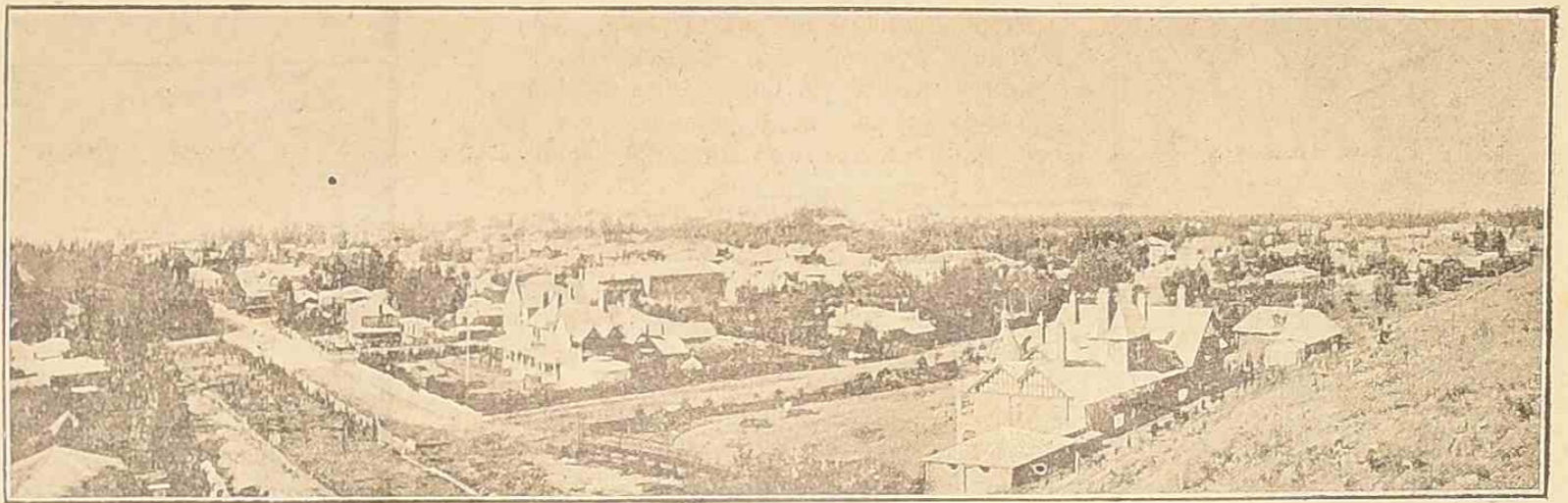
Солнечное затмѣніе въ Лондонѣ.

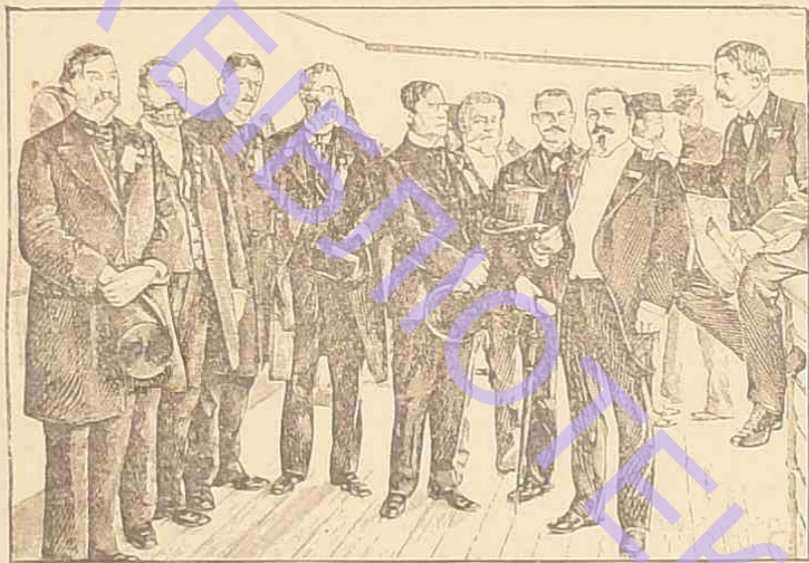
Русскій оркестръ на парижско й выставкѣ.

Н. Д. Зайчовская (Хвоцинская).
(Къ 75-лѣтію со дня ея рожденія).

Видъ Йоганнесбурга.

Пріемъ бурской миссіи въ Нью-Йоркѣ.

Миссія буровъ.

шей мною такъ блистательно начавшуюся карьеру. Я упрекалъ его въ томъ, что ради него совершилъ непростительную военную ошибку. Скакать сломя голову, каждую минуту подставляя голову подъ вражескія выстрѣлы, и ради него?!

„Но теперь, приближаясь къ смерти, я часто думаю о томъ, что мой бѣдный школьный товарищъ видѣлъ отсюда, съ того свѣта, гдѣ нѣтъ различія расъ, нѣтъ ни французовъ, ни нѣмцевъ, какъ мой драгунъ и я подъ градомъ выстрѣловъ исполнили святой долгъ, который солдаты воздаютъ навшему врагу, храбро сражавшемуся при жизни... Эта мысль позволяетъ мнѣ приходить на этотъ утесъ и безъ щемной тоски читать эту надпись...“

„Васъ удивитъ, можетъ быть—продолжалъ онъ,—если я вамъ скажу, что я частенько захожу сюда вмѣстѣ съ драгункомъ, сопровождавшимъ меня тогда къ тѣлу Отто. Я его взялъ къ себѣ и онъ уже болѣе 25 лѣтъ живетъ при мнѣ. Я сдѣлалъ его своимъ лаксемъ... Да вы его видѣли,—онъ сегодня утромъ прислуживалъ намъ за столомъ. Онъ знаетъ исторію моей дружбы съ Отто, и если эта надпись, это нѣмецкое слово „Ostern“, вышеченное рукою Отто въ 1858 году, не заросло мхомъ, если дорожка къ утесу всегда содержится въ порядкѣ, то всемъ этимъ я и Винклеръ обязаны Пенсѣ... Я не просилъ его объ этомъ... его научила этому его простая солдатская душа. Чтобы понять его чувства и самому переживать ихъ, нужно побывать на войнѣ. Я знаю, что во время войны проявляется много жестокости, даже звѣрства... а все-же, даю вамъ слово, война способна пробудить въ нашей душѣ высокія, святыя чувства.“

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ

Какъ появляется мода.

Нерѣдко своими странными причудами мода была обязана высокопоставленнымъ лицамъ, принужденнымъ скрывать какіе-нибудь физическіе недостатки.

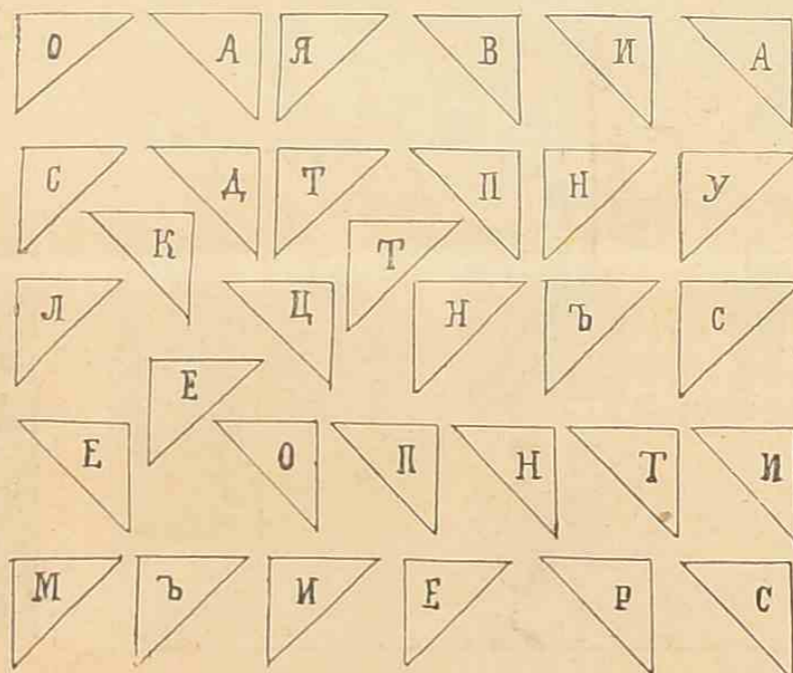
Это подтверждается рядомъ примѣ-

Русскій военный отдѣлъ на парижской выставкѣ.

Задача треугольниковъ.

Изъ 32 треугольничковъ съ помѣщенными въ нихъ буквами составить квадратъ такъ, чтобы образовалась русская пословица.

ровъ, представленныхъ газетою „Berliner Börsen Zeitung“.

Средневѣковые уродливые и смѣшные сапоги съ носками длиною иногда до двухъ футовъ, которые приходилось прикрѣплять цѣпочками къ колѣнямъ, для того, чтобы они не мешали при ходьбѣ, были изобрѣтены Генрихомъ Плантагенетомъ, герцогомъ Анжуйскимъ, для того, чтобы скрыть большой наростъ, бывшій у него на ногѣ.

Карль VIII изъ за своихъ безобразныхъ ногъ ввелъ въ моду длинную одежду вмѣсто употреблявшейся до того времени короткой.

Когда Францъ I въ битвѣ при Павии былъ раненъ въ голову, онъ сбрилъ себѣ волосы и бороду, и во Франціи бороды вдругъ совсѣмъ исчезли.

Когда Генрихъ VIII сталъ ему подражать, британцы пришли въ большое негодованіе. Они такъ ясно стали выказывать королю свое неудовольствіе, что разъ, смѣясь, онъ сказалъ:

— Они, кажется, больше дорожатъ своею бородой, чѣмъ головою.

Король Людовикъ XIV, имѣвшій парикъ на головѣ, довольствовался тѣмъ, что заставлялъ своихъ придворныхъ носить большіе дорогіе парики.

Одна красавица при дворѣ англійскаго короля Эдуарда VI изобрѣла мушки,

чтобы скрыть небольшую бородавку, безобразившую ея красивое плечо. Кринолины, говорятъ, введены въ моду одной кривобокой испанской инфантой.

Имена первыхъ 20-ти городскихъ подписчиковъ и 10-ти снородныхъ, приславшихъ върное рѣшеніе задачъ, будутъ помѣщены въ слѣдующемъ воскресномъ приложеніи «Одесскихъ Новостей».

Рѣшеніе ребуса № 25. „Виды на урожай въ юго-западномъ краѣ прискорбны: во всемъ краѣ, благодаря засухѣ, озимые посѣвы будутъ ниже средняго.“

(О)ви(н) — дын(я) — (р)аут(т) — рожа — й вьог(а) — (к)оза — па — ди(о) — (д)ом — кра(н) — (в)епр — (м)иск(а) — (г)ор(а) — (б)убны — (т)ьвов — сем(ит) — кра(б) — (ф)еб — (ф)лаг — (в)ода — рьза(н)ь — су(к) — хь(р) — (р)оз(а) — и — мы(с) — (д)ено — е — (д)ѣвы — буд — (ш)ут(т) — (п)ин — жес(т) — (б)ред — н — яг(а) — о. Върное рѣшеніе прислали: Я. и А. Бунцельманъ (Николаевъ), Гришпунъ (Тульчинъ), Марія Фидманъ (Николаевъ), А. Скворцовъ (Николаевъ).

Рѣшеніе алгебраической задачи № 1. „Всякому зерну своя борода“.

Върное рѣшеніе прислали: гг. Марія Кандель, А. Мучникъ, Г. Цвейфель, Р. Зальцбергъ и А. Шапиро, М. Айзиковичъ (Вознесенскъ), Софія Бунцельманъ (Николаевъ), С. А. Розенфельдъ (Тульчинъ), студ. А. Меловой (Елисаветградъ), Гр. Фидманъ (Николаевъ), А. Розенцвейгъ.

Ребусъ № 26.

